

Вань Цзиньцянь обладал лицом, способным сразить наповал любого. И когда эту безупречную красоту так разукрасили, весть разнеслась по школе со скоростью лесного пожара.

— Слышали? Наш Школьный красавец лишился своего идеального лица!

— Да ладно? Пошли глянем!

— Какой кошмар, безумно жаль...

У дверей одиннадцатого класса то и дело собирались зеваки. Приходили и парни, и девчонки: первые откровенно злорадствовали, вторые сокрушенно вздыхали. Впрочем, стоило им заглянуть в кабинет, как большинство тут же натыкалось на ледяной взгляд Вань Цзиньцяня и в ужасе ретировалось.

"Думают, раз побитый, так можно безнаказанно паяться? Ага, сейчас. Я, между прочим, дрался за честь нашей Третьей средней школы Жунчэна! За Орду, за альянс... Короче, я сделал всё, что мог!"

Но стоило прозвенеть звонку на обед, как былой запал Цзиньцяня поугас. Одно дело — терпеть редких любопытных у дверей класса, которых можно просто прогнать тяжелым взглядом.

И совсем другое — заявиться в столовую. Это же всё равно что выйти на площадь с плакатом: «Смотрите все, меня разукрасили!»

— Чжао Житянь, — позвал Вань Цзиньцянь. — Притащи мне пожрать.

Сидя на задней парте, он небрежно сложил из листа бумаги самолетик и запустил его прямо на стол Чжао Хаочэну.

Уроки закончились, коридоры наводнила бурлящая толпа — соваться туда сейчас не стоило. Цзиньцянь решил переждать пик активности в классе, но с удивлением обнаружил, что Чжао Хаочэн тоже никуда не ушел.

Тот сидел в полном одиночестве и упорно занимался: сначала приводил в порядок конспекты, а затем вытащил потрепанный сборник тестов и принялся щелкать задачи одну за другой.

Для Хаочэна это было делом привычным. Он всегда шел обедать позже остальных, а в класс возвращался раньше всех.

Классный руководитель, Пэн Миньвэй, как-то сказала, что для таких, как Чжао Хаочэн, нет иного пути в жизни, кроме как пробиться через адские тиски выпускных экзаменов. Сам Хаочэн тогда безропотно согласился. Он и представить не мог, что в будущем превратится в путеводную звезду огромной бизнес-империи.

Хаочэн развернул бумажный самолетик и, ни капли не смутившись, принялся использовать его как черновик для расчетов. Внешний мир его вообще не волновал.

Их парты разделяло небольшое расстояние. Вань Цзиньцян поднялся, подошел к парню и бесцеремонно уселся на свободный стул в проходе. Подперев кулаком щеку, он уставился на одноклассника в упор.

"Смотри мне в глаза, детка."

— Чего тебе? — спросил наконец Чжао Хаочэн, откладывая ручку с видом воина, который только что вернулся из кровавой сечи и обнаружил у себя первый седой волос.

— Принеси мне обед, — Цзиньцян небрежно швырнул свою столовскую карту на его тетрадь. Движение вышло настолько пафосным и холодным, будто он был заносчивым богатеем, бросающим любовнице платиновую кредитку, лишь бы та поскорее закрыла рот.

Не успел Хаочэн и рта раскрыть, чтобы спросить меню, как Цзиньцян загнул пальцы:

— Значит так. Баклажаны с фаршем — но только без лука, выковырай его оттуда. Рис возьми двойной, где просо смешано с обычным. Потом спустись на первый этаж к ларьку с бабл-ти и купи арбузный сок. Да, и зайди в соседнюю палатку с фастфудом, возьми куриный шницель с томатным соусом. А на обратном пути заскочи в лавку, захвати пачку острых полосок и еще пакет...

Он цедил слова вальяжно, мысленно прокладывая для Хаочэна самый сложный логистический маршрут через всю территорию школы. Тот выслушал тираду с каменным лицом.

— А сам ты дойти не можешь? — вздохнул Хаочэн. Обычное дело. Раньше он бегал у него на побегушках раз по пять на дню. Характер у мажора был не сахар.

На самом деле Хаочэн знал вкусы Цзиньцяна наизусть. Стоило хоть раз принести не то, и капризный барин сразу же пускал в ход кулаки, доходчиво объясняя правила суровой жизни.

Выслушав весь список, парень с подозрением покосился на Цзиньцяна:

— И это всё?

— Пока всё, — Цзиньцзянь недоуменно прищурился. У этого парня что, синдром жертвы обострился? Он просил еду чисто из вредности, отыгрывая роль классического злодея-пушечного мяса, разве что добавил пару своих реальных предпочтений. Ему самому было немного неловко так откровенно эксплуатировать человека, а этот безотказный мазохист как будто даже расстроился, что список такой короткий.

Хаочэн молча убрал канцелярию, прихватил свою карту и вышел из класса.

Оставшись один, Цзиньцзянь откровенно заскучал. От нечего делать он потянул к себе тетрадь Хаочэна. Вообще-то рыться в чужих вещах некрасиво, но какому пушечному мясу есть дело до морали? Рамок нет, правил нет — твори что хочешь. Он даже поймал от этого какой-то извращенный кайф: наконец-то не нужно строить из себя праведника.

Перевернув пару страниц, он наткнулся на недавнюю домашнюю работу по математике и сразу заметил несколько глупых ошибок. Взяв карандаш, Цзиньцзянь аккуратно обвел неверные ответы, а на полях расписал правильные решения со всеми промежуточными вычислениями. В конце он пририсовал парочку забавных смайликов.

"Да уж, почерк у меня, конечно, как у курицы лапой. Ну да ладно, главное — суть. Знание — сила."

Удовлетворенно полюбовавшись своей работой, он закрыл тетрадь и покинул класс.

О своей травме Вань Цзиньцзянь матери сообщать не стал. Гуань Юйинь шутить не любила — примчалась бы в школу в ту же секунду и закрестила его домой. Цзиньцзяню хватило всего полдня общения, чтобы понять характер своей новоявленной «матушки»: сына она любила до безумия и пылинки с него сдувала.

Поэтому он потихоньку пробрался в школьный медпункт и выпросил мазь от ушибов, решив намазаться ночью перед зеркалом, когда все уснут.

Этот невыносимо долгий, тоскливый день наконец-то завершился долгожданным звонком с вечерней самоподготовки.

Вернувшись в общежитие, Цзиньцзянь застыл на пороге — его кровать была завалена разнообразными тюбиками и баночками с мазями.

— Это ещё что за филиал аптеки? — опешил он.

— Пользуйся, не обляпайся, — отозвался Цао Гэнвэй, смачно хрустя яблоком. — Девчонки внизу передали, попросили занести. Вот я и приволок этот склад.

— Ну ни хрена себе, — хмыкнул Сун Ян, подпирая дверной косяк. — Почти оптовые поставки.

Брат Вань, твоя харизма пробивает даже синяки. Девки так и липнут.

Прятели честно пытались его приободрить, но с красноречием у обоих были явные проблемы. В итоге их неуклюжие утешения начали подозрительно смахивать на изощренный сарказм.

Вот что бывает, когда прогуливаешь литературу.

Цзиньцянь швырнул один из тюбиков Сун Яну:

— Держи, тебе нужнее. Намажь свое хлебало, а то оно у тебя со вчерашнего дня на честном слове держится.

Приятно было осознавать, что даже с подбитым глазом его авторитет среди женской половины школы ничуть не пострадал.

— Так, брысь отсюда, дайте тишиной насладиться, — Цзиньцянь покрутил пальцем в ухе. Слушать их косноязычные бредни было выше его сил — голова и так раскалывалась.

Устроившись перед зеркалом, Цзиньцянь принялся за процедуру. Лицо под глазом распухло и налилось синевой. Боль была адской, пальцы дрожали, и он никак не мог решиться нормально втереть мазь.

— Ш-ш-ш... Мать твою... — шипел он, то и дело вскрикивая от каждого прикосновения.

Чжао Хаочэн до этого спокойно занимался за столом. Но слушать эти истошные, свистящие стоны, напоминающие визг недорезанного поросенка, стало решительно невозможно. Любому терпению приходит конец.

Он молча поднялся, подошел к Цзиньцяню и отобрал у него тюбик.

— Кто так мажет? Ты себе только хуже делаешь, — Хаочэн аккуратно выдавил немного средства на ватную палочку и принялся осторожно распределять его по ушибленному месту. — Сейчас пощиплет. Потерпи.

Цзиньцянь зажмурил один глаз, а вторым принялся пристально разглядывать парня.

Движения у Хаочэна оказались на удивление точными и мягкими. Он аккуратно обрабатывал края гематомы, сосредоточенно хмурясь и не отводя взгляда от его лица.

— Держи, — Хаочэн вложил тюбик обратно в ладонь Цзиньцяня. — Три раза в день. И да... дальше сам мажь.

Голос звучал абсолютно ровно, без капли сочувствия — скорее уж в нем сквозило легкое брезгливое раздражение. Впрочем, Хаочэн вовремя взял себя в руки. Прояви он хоть каплю неуважения открыто, Цзиньцзянь тут же устроил бы ему веселую жизнь.

— Ага, пасиб, — буркнул Цзиньцзянь, вертя в пальцах мазь и наблюдая за тем, как парень возвращается на свое рабочее место.

Хаочэн открыл тетрадь по математике и замер. Несколько задач были аккуратно обведены карандашом, а рядом красовались подробные разборы решений. Причем неизвестный доброжелатель предложил сразу несколько вариантов вычислений, один из которых позволял найти ответ буквально в уме, минуя кучу громоздких формул.

Парень растерялся. Откуда в их классе взялся такой спец? Да и во всей школе едва ли нашелся бы гений подобного уровня.

Одиннадцатый класс считался единственным экспериментальным потоком в Третьей средней школе Жунчэна. И хотя ребята любили повалять дурака, в учебе каждый рвал жилы, пытаясь обойти соседа.

Сам Хаочэн зубами удерживал статус вечного первого номера, прекрасно зная, каких титанических усилий это стоит. И тут кто-то бесцеремонно вторгается в его тетрадь, щелкая сложнейшие алгоритмы как орехи. В душе шевельнулось смутное беспокойство, смешанное с невольным восхищением.

"Кто же этот таинственный гений математики?"

Упомянутый «гений» в этот момент развалился на кровати прямо за его спиной и с аппетитом уплетал фрукты из подарочной корзины. Обычно такие наборы таскают в больницу тяжелобольным, но Цзиньцзянь умудрился удостоиться подобной чести из-за обычного фингала. С такими темпами ему скоро начнут цветы к порогу носить и молоко за вредность выдавать.

— Слышь, Чжао Житянь, — окликнул он парня. — Лови снаряд!

Красный плод питайи полетел в сторону стола и с глухим стуком приземлился прямо перед Хаочэном, едва не смахнув стопку тетрадей. Сочный, спелый драконий фрукт — специально для тебя.

Хаочэн молча отодвинул фрукт на край стола и продолжил изучать элегантные математические выкладки загадочного отличника.

Тем временем Цзиньцзянь уткнулся лицом в подушку. Сначала кожу вокруг глаза приятно холодило, но вскоре началось нестерпимое жжение. Казалось, под кожу запустили рой

крошечных насекомых, которые яростно вгрызались в плоть.

— Чжао Житянь! — не выдержал Цзиньцянь и взвыл на всю комнату. — Ты чем меня намазал, урод?! Решил известить меня или на мою неземную красоту позарился?!

Чжао Хаочэн промолчал, лишь удивленно приподнял бровь.

— Сделай милость, оторви задницу от стула и посмотри, что происходит! Чего застыл как истукан?

Хаочэн подошел, взял со стола тюбик, из которого только что выдавливал мазь, и внезапно почувствовал, как внутри у него всё похолодело.

Это средство... Это же была ядреная разогревающая мазь для суставов, которую он сам когда-то покупал от растяжений. Какого черта она делала среди девчачьих подношений на кровати Цзиньцяня?

Цзиньцянь вырвал тюбик у него из рук, прочитал название и округлил глаза:

— Ну ты и тварь! Решил мне остатки зрения выжечь?!

— Да я... я взял первый попавшийся тюбик, который ты сам мне сунул! — попытался оправдаться Хаочэн. Понимая, что дело пахнет керосином и химическим ожогом нежной кожи век, он пулей метнулся в умывальник и вернулся с мокрым полотенцем.

— Закрой глаза! Быстро! — скомандовал он и принялся спешно стирать жгучую субстанцию с лица Цзиньцяня.

Когда с процедурой было покончено, оба облегченно перевели дух.

— Ну ты и садист, конечно. Решил отплатить добром за добро? — Цзиньцянь ткнул тюбиком парню в грудь.

— Я не специально, — буркнул Хаочэн, отводя взгляд.

Цзиньцянь закатил глаза, но тут до его носа донесся какой-то странный шлейф. Пахло... как-то сомнительно. Не то чтобы откровенно несло помойкой, но амбре было весьма специфическим, вызывающим очень нехорошие ассоциации.

— Слышь... А что это за полотенце вообще? — подозрительно прищурился он.

Хаочэн опустил взгляд на зажатую в кулаке мокрую тряпку. В панике, испугавшись, что этот мажор лишится глаза, он схватил первое, что попало под руку в темноте ванной комнаты. И, разумеется, перепутал обычное полотенце со своей... тряпкой для ног.

— Да так... обычное, для лица, — соврал он, стараясь сохранить невозмутимый вид, хотя внутри у него всё сжалось от страха. — А что... пахнет как-то не так?

Голос его предательски дрогнул, и Цзиньцянь мгновенно почуял неладное.

— А ну-ка посмотри мне в глаза и повтори, — процедил Цзиньцянь. — И какого хрена ты так покраснел?

Хаочэн густо покраснел. Лгать он не умел от слова «совсем», да и характер Цзиньцяня знал отлично: если тот почует неладное, пиши пропало. Связался на свою голову, захотел помочь... Вот и помогай после этого людям.

— Ну ладно, ладно, я перепутал полотенца! — признался он, примирительно выставив руки вперед. — Честное слово, случайно вышло!

Цзиньцянь смерил этого нескладного здоровяка долгим, тяжелым взглядом. С виду — чистый простак, наивный и пугливый.

"Святая простота."

Кто бы мог подумать, что этот тихий парень в будущем хладнокровно нанесет ему сокрушительный удар в спину.

Впрочем, сам Цзиньцянь в своей реальной жизни уже разменял третий десяток. Глядя на этих забавных, брыжущих энергией подростков, он порой испытывал почти отеческую гордость за подрастающее поколение.

А может, дело было в другом: он просто делал скидку на то, каким могущественным человеком Чжао Хаочэн станет через несколько лет. Сильные мира сего могут позволить себе быть великодушными. Так и быть, простим бедолагу.

— Ладно, прощаю, — великодушно бросил Цзиньцянь. — Но при одном условии. Завтра утром ты принесешь мне завтрак прямо в класс. И вообще, всю эту неделю ты работаешь моим личным курьером по доставке еды. Будешь искупать грехи.

Он похлопал Хаочэна по плечу — дружески, но с явным намеком на то, что возражения не принимаются.

<http://bllate.org/book/20139/2134297>